

МАША
МАЛИНОВСКАЯ

НЕПРЕДНАМЕРЕННОЕ
ОТЦОВСТВО

Маша Малиновская

Непреднамеренное отцовство

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70054048

Аннотация

– Сонь, ты с ума сошла? – Алина округляет глаза. – Ты специально залетела от Нажинского?

– Я просто хотела ребёнка. Нажинский показался мне удачным вариантом: здоровый, без вредных привычек – я видела его медкарту.

– А теперь?

– А теперь он хочет отобрать моего Ромку...

Четыре года назад после личной драмы я решила, что хочу ребёнка и воспитывать его буду одна. С донором рисковать не хотелось, и биологического отца я выбрала сама. Мой босс с новой работы подошёл отлично.

Я соблазнила его и после одной случайной ночи уволилась и сбежала в другой город.

Четыре счастливых года мы с сыном прожили в небольшом городке, а потом нас нашёл он – его отец. И теперь он хочет отобрать моего сына.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	20
5	26
6	33
7	39
8	45
9	51
10	58
11	64
12	69
13	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Маша Малиновская

Непреднамеренное ОТЦОВСТВО

1

Ярослав

– Виктор Анатольевич, ты уверен?

– Да, Ярослав Юрьевич. К моему сожалению, ошибки тут быть не может. Мы проверили всё дважды. Иммунологическое бесплодие после травм развивается часто, хотя повреждения не всегда очевидны.

Док пожимает плечами, глядя с сожалением и складывает руки на столе. Холодным сожалением, профессионально выверенным.

– Вы не замораживали биоматериал? – спрашивает.

– Нет, – отвечаю. – Никогда даже не задумывался.

– Тогда мне очень жаль.

– Понятно, – киваю. – Всего доброго.

Я пожимаю руку врачу и выхожу из кабинета. Спускаюсь на первый этаж клиники. Девушка с ресепшн мило улыбается и кивает мне.

Не до расшаркиваний.

Я выхожу на улицу и сажусь в машину. Завожу мотор и кладу руки на руль. Хреновые новости расстроили меня сильнее, чем можно было ожидать.

В свои тридцать пять я ни разу не задумывался о детях. Да и о семье вообще. Мне было и так хорошо. Удобно. Не нужно отвлекаться от работы. А развлечься всегда можно было найти с кем.

Полгода назад я попал в аварию. Вылетел на обочину и впоролся в столб. Подкинуло с сиденья так, что разбил башку о стекло и яйцами о руль шаррахнулся. Сам виноват – не пристёгнутый ехал.

И оно вроде бы и ничего, быстро оклемался, а сейчас проходил контрольный медосмотр и выяснилось, что у аварии оказались долгосрочные последствия. А если точнее, то я теперь не смогу иметь детей.

И это внезапно кольнуло.

Было же хорошо без них, а тут задумался. Я всю жизнь пашу, отцовский бизнес, что на ладан дышал, на международный уровень вытащил. По четырнадцать часов, семь дней в неделю работаю. И... мы смертны. Банально, но... кому я всё это оставляю?

Мощный и неожиданный удар по мотивации.

В офис приезжаю в десять. Для всех это непривычно поздно, поэтому втихоря поглядывают с удивлением. Обычно я в офисе с семи.

– Добрый день, – по струнке вытягивается охранник у турникетов.

– Здравствуйте, Ярослав Юрьевич, – расправляет спину администраторша.

Поднимаюсь на лифте на десятый этаж. Работа в отделах кипит во всю. Приятно наблюдать, что никто не прохлаждается у кофемашин. Я сам не люблю тратить рабочее время впустую и от коллектива холдинга требую того же. От зама до уборщицы. Машина будет работать слаженно только тогда, когда каждая деталь выкладывается на полную.

– Доброе утро, Ярослав Юрьевич, – Алиса, моя секретарша, подскакивает у стола уже с папкой документов на подпись в руках.

– Здравствуй, Алиса. Ко мне зама по безопасности через семь минут. Два кофе. Документы через пятнадцать минут.

– Всё поняла, – кивает и тут же вызывает по внутренней Бразинского.

Ровно через семь минут, когда я как раз успеваю включить ноутбук и пробежаться по присланному Алисой плану дел на сегодня, в кабинет, постучав, входит начальник службы безопасности.

– Привет, Артём, – жму ему руку.

– Привет, Яр.

С Бразинским мы не только коллеги, мы дружим ещё с армии. Простой, умный, надёжный мужик. Шарит в своём деле. Нужную информацию из-под земли достать способен

в кратчайшие сроки.

– Есть дело. Не совсем по «ГеоГорИнвест», скорее лично для меня.

– Ярослав, ты и есть «ГеоГорИнвест».

– В общем. Мне нужно, чтобы ты выяснил, не залетали ли от меня бабы.

Ну, бл*ть, и выразился.

Артём, пытаюсь остаться максимально серьёзным, сначала несколько секунд на меня смотрит тупо, а потом кашляет в кулак.

– Блин, Тём, – встаю и засовываю руки в карманы. Отворачиваюсь к окну. А потом вываливаю как есть. – После той аварии я остался бесплодным. Узнал сегодня. И если у меня есть дети, то они мне нужны.

Бразинский становится снова серьёзным.

– Дерьмово, Яр. Поищем.

После одного не самого приятного случая, в результате которого мне пришлось отвалить крупную сумму одной шлюхе за компрометирующие фотки, тёлочка мне подгонял в основном Артём. Или, как минимум, пробивал их, чтобы без сюрпризов.

Артём, получив задачу, уходит, а я принимаюсь за работу. Сегодня плановое малое совещание начальников отделов, встреча с поставщиком буроборудования на следующий календарный год и куча мелких вопросов.

Из-за того, что приехал к десяти, приходится задержаться.

Алису отпускаю в семью, а сам ещё просматриваю сметы. Надо вызывать начальника отдела поставок, поинтересоваться, у какого это поставщика он собрался закупать вращатели для бурового редуктора по двести пятьдесят тысяч. Если просто тупой, то пойдёт ко всем чертям, а если нагреть меня задумал, то...

– Сидишь? – в дверь после короткого стука заглядывает Бразинский. – Откуда у тебя могут быть дети, если ты всё время работаешь. Машина, а не мужик.

Я поднимаю на него глаза и прищуриваюсь. Артём выглядит довольным собой. Неужто уже накопал?

Передо мной на стол падает бумажная папка. И пока я открываю, Бразинский начинает рапортовать.

– Жадан София Романовна, тысяча девятьсот девяносто седьмого года рождения. Работала у нас пять лет назад, пару недель была на замещении твоей личной секретарши. Через девять месяцев родила мальчика и уехала в Элисту.

Я прищуриваюсь, глядя на фотографию. Невзрачная блондинка, больше похожая на серую мышь. Слишком простая, чтобы быть мне интересной. Я люблю ярких женщин.

– Не помню, чтобы спал с ней.

– Выяснил у некоторых наших сотрудников, что вроде бы как у вас была связь на корпоративе.

Точно. Вспомнил её. Студентка-стажёрка. У меня тогда была постоянная девушка, с которой я как раз поссорился, и эта мышь удачно попала под руку. С Алей тогда помирились,

и история с девчонкой была весьма некстати. Ещё думал, что придётся откупаться потом. Но она и сама уволилась.

Проблема исчезла и я забил. Не сказал Артёму её пробить, потому что она же у нас работала, значит, и так была проверена.

– Вспомнил. Действуй. А тех, что языками наболтали тебе, уволь. Нам сплетники не нужны.

Соня

– Ромашка, драться некрасиво. Помнишь, мы уже это обсуждали?

– Он первый начал, – сын сердито надувает щёки, обхватывает себя за плечи и пытается отвернуться, только я кладу ему ладони на руку, не позволяя. – Опять это говорил.

– Что это?

– Ну... – всхлипывает он носом. – Что у меня папки нету...

Я тяжело вздыхаю и обнимаю Ромку, прижав к себе. Ох уж этот Васька Соловьёв, снова задевает моего Рому. И чего прицепился? У самого есть отец, но пьющий и мать периодически колотящий. Лучше, что ли?

Но мне не стоит забывать, как бы ни было больно и обидно за сына, что Вася этот тоже всего лишь четырёхлетний ребёнок. Он просто повторяет то, что слышит дома.

Мы как-то сцепились с его мамой. Я по натуре человек неконфликтный, но в этот раз заело. Рома случайно пролил чай на рисунок Васи, так эта дама ничего не нашла лучше, как матом обкостерить моего сына, когда её Василий ей пожаловался.

Я даже в ступор поначалу впала, в первые секунды просто

прижала плачущего сына к себе. Но потом отмерла и высказала наглой хабалке всё, что о ней думала. Так в ответ прилетело – нагуляла ублюдка.

И это в современном мире, где женщины всё чаще рожают для себя, если не состоят в отношениях.

В общем, с тех пор мы с этой мамашей не в ладах, а дети уже бы и забыли давно, но на то они и дети, чтобы зеркалить родителей.

– Зато у тебя есть я, зайчик, – заглядываю сыну в глаза. – А у меня ты. Мы с тобою что?

– Кулак! – твёрдо отвечает Рома, со всей силы сжимая ручку в кулачок.

– Именно! – сжимаю свой и показываю ему.

Поначалу то, что у Ромки нет отца, меня абсолютно не смущало. Как-то или соседи попались довольно тактичные, или просто все заняты своими делами, но никто даже вопроса не задавал, почему я всё время гуляю с коляской одна.

Но вот когда Рома подросток, он-то этот самый первый непростой вопрос мне и задал.

Я в тот момент почему-то растерялась. Не собиралась врать про отца-героя, погибшего где-нибудь на войне или при исполнении. И, конечно, не думала обещать несбыточное, что его папа просто уехал и скоро вернётся. Зачем ребёнку пустые надежды?

Поэтому просто объяснила Ромке, что семьи бывают разные, и наша состоит из двух людей: его и меня.

Рома тогда кивнул, но я чувствовала, что в нём зародилось зерно непонимания. А скорее некоего желания, чтобы у него появился папа.

– Садись, зайчик, нам ещё в магазин заехать нужно.

Я помогла ему забраться в детское автокресло, пристегнула и проверила ремни, дала сушку, потому что Ромку стало укачивать в машине и нужно было что-то грызть. Потом села за руль.

Внутри всё ещё клочкотала обида за ребёнка. За то, что другие родители не учат своих детей тому, что у всех бывает по-разному и это нормально.

Ромкин отец нас не бросал. Он вообще понятия не имеет, что у него есть такой сын Рома. И это было моё решение.

Когда-то у меня был любимый человек, планы на жизнь, семью, детей. Я училась на третьем курсе института, на моём безымянном пальце появилось помолвочное колечко.

А потом всё рухнуло. Разбилось на осколки, напоровшись на предательство любимого человека. Точнее двух любимых людей.

Моя сестра оказалась беременна от моего жениха.

Это было так больно, так сильно изодрало мою душу на лоскуты, что я приняла для себя решение, что отныне моей семьёй может быть только ребёнок. Человек, который будет любить меня искренне и безусловно, который не будет способен на предательство.

А я буду так же любить его. Отдам всё своё тепло, ласку,

смогу раскрыть душу и не бояться удара.

Но была одна проблема: этого ребёнка нужно было родить. От кого-то. А на отношения у меня было дикое отторжение.

Вопрос с донором меня пугал. Это было дорого, да и рожать от того, кого никогда не видела, было страшновато.

Я тогда как раз перевелась на заочное и устроилась в «ГеоГорИнвест» на стажировку. И это была огромная удача, потому что так просто в холдинг было не попасть. Подсобила моя преподавательница по финансам, которая мне симпатизировала.

Там как раз были кадровые перестановки, и меня поставили на замену на неделю-две в помощницы секретарше генерального.

И вот я решила, что новый босс отлично подойдёт для роли биологического отца для моего ребёнка. Он был из тех, кому ни дети, ни семья абсолютно не нужны, значит, проблем бы не возникло.

– Мама, а ты купишь мне мягкий пластилин? Мне нужен зелёный, чтобы доделать танк, который мы в садике лепили. На пушку не хватило. Это подарки папам на двадцать третье февраля.

В груди снова появляется царапающее чувство. И я малодушно не комментирую его слова.

– Конечно, малыш, какой тебе нужен, такой и купим.

– Я танк сделаю, а когда папа появится – подарю.

Надо будет поговорить с ним. Как-то ещё раз мягко объяснить, что не нужно ждать. Я подумаю, когда и как лучше это сделать.

Мы заезжаем в супермаркет, покупаем продукты на ужин, бутылку молока и яйца для омлета на завтрак. Яблочный сок в коробочке, который Ромка очень любит, и упаковку воздушного пластилина.

Когда подъезжаем к дому, я вижу, что моё парковочное место заняла чья-то здоровенная чёрная бэха. Интересно, что за персонаж на такой тачке у нас тут появился?

Но ещё интереснее, куда мне теперь приткнуться свой солярис.

Паркуюсь на свободное место, где обычно свою машину ставит сосед с шестого этажа. Он, вроде бы, только поздно вечером должен приехать, перепаркую тогда позже.

Я выхожу из машины, вытаскиваю Рому и пакет с продуктами.

– Ну-ка пойдём, малыш, – замечаю, что возле бэхи стоит какой-то мужик, модный весь, в костюме.

– Извините, пожалуйста, – обращаюсь к мужчине, который стоит спиной и, кажется, что-то печатает в телефоне. – Не могли бы вы переставить машину на гостевую парковку, тут обычно...

Я давлюсь остатком фразы, когда он поворачивается и уставляется на меня своими хищными тёмными глазами. Буквально впивается в лицо, словно клешнями.

И мне вдруг хочется схватить Ромку и убежать, захлопнув двери и закрыв их на все замки.

Потому что это никто иной, как его отец.

3

– Узнала меня, – не спрашивает, а утверждает Нажинский.

А мне хочется сделать вид, что впервые вижу его, что он ошибся, обознался. Да только не имеет смысла это. Вряд ли он просто так развернётся, сядет в свою крутую бэху и укатит обратно в Москву, если уж припёрся с определённой целью.

А о цели этой мне даже думать не хочется.

Неужели он как-то узнал? Но как? Я ни одной живой душе не говорила.

– Здравствуйте, Ярослав Юрьевич, – холодно ему улыбаюсь. – Не ожидала вас тут увидеть. По делу в городе или в гости?

– Не делай вид, что не понимаешь, почему я здесь.

Его взгляд пронизывает насквозь. Чувствую, как от страха и этого ледяного взгляда по плечам ползут неприятные мурашки. В желудке появляется ощущение каменной тяжести.

– А вы кто? – спрашивает Рома, сжимая крепче мою ладонь.

Желание спрятать его, закрыть собой, чтобы этот жуткий взгляд незваного гостя даже не коснулся чистоты и наивности моего сына.

Но поздно. Нажинский опускает глаза и отвечает мальчику то, что повергает меня в состояние шока.

– Я твой отец, мальчик.

Господи, ну зачем? Ещё и когда Рома так озабочен этой темой. Мы же ему явно не нужны, с чего бы вдруг ему понадобилось приезжать? Ну скажет он ребёнку да уедет, а я потом что буду делать?

Ромины глазки вспыхивают. Он вздрагивает и на секунду торопится. На маленьком личике за мгновения пробегают целый спектр эмоций.

Потом вдруг Рома дёрнувшись, резко отмирает, стаскивает с плеч свой рюкзачок. Расстегнув его, он достаёт очень-очень аккуратно картонную коробочку, а уже из неё извлекает пластилиновый танк.

– Это тебе, – протягивает Нажинскому, который смотрит на всё это с таким видом, будто его это напрягает. Вопрос: зачем тогда припёрся? – Только у меня не хватило пластилина, чтобы пушку сделать. Но мы с мамой уже купили. Я хотел дома доделать, но тогда тебе придётся ждать.

– Что за бред вы несёте? – возмущённо говорю мужчине. – Кто шутит с детьми о таком?!

– Вот и посмотрим, бред или нет, – отвечает Нажинский, а потом обращается к Ромке, показывая пальцем на коробку с соком. – Ты уже допил сок?

– Да. Ты тоже хочешь пить?

– Нет, я выброшу твою коробку.

Рома отдаёт Нажинскому свою коробочку из-под сока, и я только тогда понимаю, зачем тому она понадобилась. Он выбрасывает коробку, а трубочку вытаскивает и кладёт в

небольшой пакетик и в карман.

Тест ДНК.

– Не знаю, что вам нужно и зачем вы приехали, – говорю сердито, стараясь скрыть в голосе дрожь. – Но лучше уезжайте обратно.

– Я приехал за сыном.

– Даже если и так, мы никуда отсюда уезжать не хотим.

– А я не говорю о вас, – он выделяет последнее слово. – Тебе быть в комплекте вовсе необязательно.

И вот тут я чувствую, будто меня ударили. Вот так взяли и с размаху вlepили затрещину.

– Знаете что, – говорю с дрожью в голосе от злости, – только посмейте. Вы к ребёнку отношения никакого не имеете.

– Тише, девочка. Тебя никто спрашивать не будет, как не спрашивала ты, – он даже не шелохнулся и не поднял голос, но его слова действуют на меня хуже, чем если бы он схватил меня за горло. – Вот выясню окончательно, имею или нет отношение к мальчику, тогда и разговор будет совсем другим.

Я хватаю Ромку, который чуть отошёл и собирал каштаны в траве, за руку и, не оглядываясь, быстрым шагом иду в подъезд. Знаю, что Нажинский за мной не гонится, но ощущение именно такое.

За мной гонятся его угрозы и обещания.

Поднявшись на лифте на свой этаж, я спешно захожу в квартиру и затаскиваю удивлённого Рому, захлопываю двери и запираю на все замки. Дыхание рвётся, в груди тяжело,

а в ногах такая слабость, что кажется, будто они сейчас под-
косятся.

– Мам, а папа почему на улице остался? Разве он не к нам приехал?

– Зайка, это не папа. Этот мужчина пошутил. Некоторые люди говорят глупости.

Ромка опадает буквально на глазах. Его взгляд тускнеет, а уголки губ непроизвольно тянутся вниз.

– Но он сказал...

Понимаю, что малыш зацепился за то, о чём думал последнее время. Но нельзя его зря обнадёживать. Я почему-то уверена, что ничего хорошего из идеи Нажинского не выйдет, кроме моральной травмы для моего ребёнка.

– Солнышко, видимо, мы не так его поняли, или он действительно пошутил.

– Я ему даже танк отдал...

– А танк мы новый сделаем, хорошо? Там пластилина хватит на целую дивизию.

Рома кивает, но я вижу, что взгляд его потухший. И мне от этого очень-очень больно.

А ещё мне страшно. Что если Нажинский действительно попытается отобрать у меня моего сына?

Ярослав

– Алёхин, а на хрен ты мне тогда нужен, если не можешь даже плёвую сделку закрыть, не скажешь?

– Ярослав Юрьевич, заказчик сомневается. Требуется презентация техники.

– Так убеди его, мать твою! Сделай эту долбанную презентацию. Ты не знаешь как?

– Он хочет не на проекторе, а в поле. Чтобы убедиться, что наши буровые установки работают как надо.

– Он дебил? Или ты дебил, раз не можешь объяснить потенциальному заказчику, что это нецелесообразно? – тру пальцами глаза. Какого чёрта такие идиоты делают в моей кампании? Особенно в ведущих спецах. Его надо уволить вместе с эйчаром к чертям. – Эта сделка для нас особой ценности финансовой не имеет, но у нас кристальная репутация, понимаешь? Мы славимся тем, что облизываем даже мелочь, желающую у себя на даче пробурить скважину.

– Так мне провести презентацию?

– Не надо гонять технику лишний раз, я тебе это должен объяснять, что ли? Избегайся, но проведи тридэшную так, чтобы им захотелось с нами работать. Не справишься – пойдёшь на хрен таксовать или в курьеры.

Отключаюсь и падаю навзничь на кровать, и мне в спину впивается пружина. Через ткань, но всё равно неприятно.

Долбанное захоlustье. Ни одного приличного отеля. Одни клоповники. Горничная утром убиралась, так пакет мусорный в урне не сменила, тупо высыпала мусор и оставила старый.

В Москве бы за такое уже уволили её.

Пиликает смартфон – оповещение на почте. Пришёл анализ ДНК. Когда открываю, не сказать, что нервничаю, но озабочен.

Положительный. Отец – я.

Так. Принято.

Взгляд падает на пальто, что висит на вешалке. Я поднимаюсь и иду к нему, забираю зажигалку и извлекаю из кармана бумажный комок, в который завернул ту штуку, что мне вручил вчера малой.

Какая-то невнятная лепнина, которую он назвал танком. Без пушки. Но вроде похоже, если присмотреться, и правда на танк.

Покрутив шутовину в руках, бросаю на стол и иду в душ. Вода тут воняет илом и какая-то не совсем прозрачная. Хоть нос затыкай, пока моешься. Скорее бы свалить обратно.

Пока чищу зубы, смотрю в зеркало. Почему-то неосознанно прогоняю в голове сходство мальчишки со мной. Похож, как мне кажется. У этой Софьи или Софии, или как там её правильно, глаза голубые, а у ребёнка карие, как у меня. И

волосы тёмные.

Надеюсь, мозгами отпрыск тоже получился в меня, а не в свою мать, которой хватило ума залететь и скрыть этот факт.

Кстати, о ней. То ли время прошло, и она привела себя в порядок немного, то ли я плохо запомнил, но девчонка стала привлекательнее. Не такая уж и мышь. Без лоска, конечно, но если к нормальному стилисту в руки отдать, то и в порядок можно привести.

Но мне, собственно, без разницы. Меня интересует только мальчик. Лучше бы я раньше о нём узнал, но, думаю, ещё не сильно поздно. Воспитание, дисциплина и хорошее образование, что я ему обеспечу, исправят это влияние безотцовщины.

– Яр, нельзя просто взять и забрать мальчишку у матери, понимаешь? – сказал мне перед моим отъездом Артём.

– Ну она же забрала его у меня по факту. Почему я не могу?

– Потому что для мальчика это будет большой травмой.

– Отведу к психотерапевту.

– Блин, дружище, ты что-то совсем в теме не разбираешься, – Бразинский сел за стол напротив меня. – Понимаешь, дети – это не игрушки, которые можно красиво в комнате на полке расставить.

– Не понимаю. У меня не было игрушек.

– В том и проблема, Яр. Ты – сухарь. С детьми так нельзя. Ну вот ты, допустим, решишь вопрос и увезёшь мальчишку.

И что? Что ты будешь с ним делать? Дети писают, какают, болят, ноют и так далее.

– Няню найму.

– Этого недостаточно. Он жил с матерью четыре года, любит её, привык к ней. И тут ты. Он тебя возненавидит.

Артём пробил её: не замужем, ни с кем не встречается, работает в консалтинговой фирме экономистом. Зарплата такая, что я даже не представляю, на что она обеспечивает моего сына всем необходимым. Так что, думаю, проблем с переездом не возникнет. Надо – пусть будет рядом.

Набираю её номер.

– Это Нажинский. Сегодня в час десять буду ждать тебя в кофейне «Теремок» на Ленина 3а. Нужно обсудить важные вопросы, – говорю, когда она берёт трубку.

– Я вообще-то на работе в это время, – отвечает после секундной задержки.

– У тебя с часу до двух перерыв на обед.

– А если я...

– На Ленина 3а в тринадцать десять, София, – отрезаю и кладу трубку, чтобы не слушать ненужные препирательства. Зачем на них тратить время? Она всё равно придёт, выбора у неё нет.

Включаю музыку и начинаю тренировку. У меня есть на неё двенадцать минут, а потом пора садиться за проект. В одиннадцать онлайн совещание, и нужно успеть подготовиться. Дай Бог ещё, чтобы в этой дыре интернет не глючил.

В час ноль восемь я вхожу в кофейню. На удивление, место оказывается почти приличным. Чего не скажешь об их кофе. Эту жижу в рот взять невозможно.

– Можно мне просто чай. Лучший в одноразовых пакетиках, который у вас есть, – прошу девушку за стойкой.

Через несколько минут в кофейню входит София. Взъерошенная вся, нос от холодного ветра немного покраснел. Светло-голубое пальто и белый шарф делают её похожей на Снегурочку.

Только совершенно не понимаю, зачем эта ассоциация приходит в мою голову.

Она подходит и, не здороваясь, прямо в пальто садится за столик напротив меня.

– Кофе? – предлагаю.

– Нет, спасибо, – отвечает, глядя на меня внимательно. – Что вы хотели?

– Коротко: сын – мой. ДНК это подтвердил.

– И? – спрашивает ровно, но я вижу, что в глазах появляется это затаённое выражение загнанности. Видел не раз.

– Вы собираетесь и уезжаете со мной в Москву. Сын должен расти под моим контролем и на моём обеспечении. Я вас обеспечу всем необходимым. На сборы у вас день. Завтра в восемь вечера выезжаем.

Она слушает молча, только моргает. Не спорит – умница. Если так пойдёт и дальше, то, думаю, проблем не возникнет.

А когда я заканчиваю, то встаёт, накидывает капюшон и

вдруг говорит:

– Да пошёл ты.

И уходит.

Ну хорошо, девочка, хотел же по хорошему.

– Саш, привет, – звоню бывшему однокурснику, с которым мы так и приятельствуем с универа. – Ты говорил, твоя жена в опеке работает? Есть дело.

5

– Сонь, ты с ума сошла? – Алина, моя коллега и подруга, округляет глаза. – Ты специально залетела от Нажинского?

С Алиной мы познакомились в Москве в компании «Гео-ГорИнвест», гендиректором которой и является Нажинский. Она тоже там стажировалась, но не вытянула и ушла. А потом мы с ней встретились через два года в Элисте. Алина позвала меня работать в консалтинговую фирму, которой как раз нужен был специалист. Сначала я работала удалённо, потому что Ромка был совсем маленьким, потом вышла на полдня, а в последний год, когда сын стал ходить в детский сад на полный день, я тоже вышла на ставку.

Да так как-то и подружались мы с Алиной. Она оказалась девушкой активной, дружелюбной. Любила посплетничать, но беззлобно. Да и подруг у меня особенно не было. Девчонки из класса большинство разъехались, с кем-то связь потеряла, подружки детства две остались в Москве, с ними мы туда уезжали учиться.

– Я просто хотела ребёнка, Алин, хотела родить для себя. А Нажинский мне показался хорошей кандидатурой.

– О-о! Да ладно, вот так взял и показался?

– Ну а что? Моя подруга, что работала в клинике, смогла заглянуть в его медкарту. Он здоров, без вредных привычек. И ему совсем были не интересны дети и семья.

– А теперь что?

– А теперь он как-то узнал о Ромке и хочет его отобрать.

Я роняю лицо на ладони. Меня всё ещё трясёт после недавнего разговора с Нажинским. Руки ледяные от нервов, никак согреть не могу, хоть уже вторую чашку чая пью.

Как только ему в голову такое пришло – «собирайтесь, у вас один день»? Да кто он нам вообще такой? Донор голова-стиков, не более. Он даже не улыбнулся Ромке, когда тот ему со всем своим детским восторгом и смущением танк вручил. Ноль реакции в ответ.

И этому человеку нужен ребёнок? Для чего?

– Соня, я пока в его холдинге стажировалась, слышала о нём от девчонок. Это явно не тот человек, от которого стоило рожать тайком. И дело не в здоровье и генах. Он сожрёт тебя и не подавится, понимаешь?

– Но зачем ему это? Я же никаких претензий не предъявляла, алиментов не выбивала.

– Не знаю... Но тебе нужно быть осторожнее. Такому, как он, не стоит переходить дорогу. Раздавит и глазом не моргнёт.

От слов Алины по коже мороз бежит. Я вспоминаю его ледяной хищный взгляд и понимаю, что она права. И что противопоставить ему мне нечего.

На часах уже почти два, поэтому мы с Алиной моем кружки и идём на свои рабочие места. Я как раз заканчиваю общий план по глубокому анализу деятельности недавно обра-

тившегося к нам довольно крупного предприятия.

– София Романовна, – к нам заглядывает Лена из приёмной. – Вас вызывает главный.

– Иду.

Беру блокнот и иду в кабинет директора фирмы. Что ему могло понадобиться? Я только два дня назад с ним обсуждала план работы с новым клиентом.

– Виктор Вениаминович, можно? – стучу и приоткрываю дверь.

– Входите, София Романовна, – говорит он и указывает на стул у конференц-приставки его стола.

Вижу, что он чем-то крайне недоволен. Чем-то помимо того, что я во второй раз отказалась идти с ним в ресторан на прошлых выходных. Не могу сказать, что он слишком настойчиво проявляет своё внимание ко мне. Но эти предложения были не к месту и мне не понравились. Он женат, вообще-то.

Я присаживаюсь и смотрю на него, готовая внимать.

– Будьте добры, предоставьте мне план по реорганизации финансового плана «Букстиля».

– Виктор Вениаминович, но он ещё не готов. Мы с вами два дня назад это обсуждали, за этот срок нереально сделать такую работу. Я только успела вникнуть и ознакомиться с фирмой, составила план глубокого анализа их финансовой деятельности. А о плане реорганизации ещё не может быть и речи.

Честно говоря, он повергает меня в полное недоумение этим требованием. И ладно бы не был сам специалистом в этой области, но ведь директор тоже финансист, он в своё время с моей должности и ушёл в кресло после смены руководства.

– Вы хотите сказать, что некомпетентны?

Первые секунды я просто смотрю на него, хлопая глазами.

– Вы сами знаете уровень моей компетентности. Вы же меня и назначили управлять финотделом. И сами прекрасно понимаете, что тот результат, который от меня требуете, не достигается за два дня.

– Значит некомпетентны. А я, как руководитель, ошибся.

Я в ступоре. Даже не знаю, что ему ответить.

– Итак, София Романовна, – завтра у меня на столе должен быть план-перспектива финансовой реорганизации «Букстиля». Не справитесь – будем решать вопрос о вашей профпригодности и целесообразности не только занимаемой должности, но дальнейшей работы в нашей фирме вообще. Пока свободны.

Выхожу я от главного в полнейшем шоке. Ощущение, что это какая-то параллельная реальность. То, что он требует с меня, это всё равно, что потребовать с повара двухэтажный торт через десять минут после заказа. Такой объём работы нереально сделать за два дня, как ни старайся.

Чёрт, и что же мне теперь делать? Даже если я просижу весь вечер и ночь, если оставлю Ромку у мамы, которая сей-

час ещё и с вирусом, то попросту не успею.

Я возвращаюсь на своё рабочее место и звоню маме.

– Мам, меня начальник работой завалил, ты сможешь сегодня с Петкой побыть? Чтобы я с ночевкой к тебе его привела?

– Соф, температура за тридцать девять, я только начала антибиотики колоть. Я даже встать не могу, дочь. И Ромика заражу...

– Ладно, поняла. Выздоровливай скорее.

– Спасибо, Соф, Ромику привет. И ты не переживай, я тут сама как-нибудь... Лилечка супчик приготовила. Неудобно, невестка же...

Я прощаюсь с мамой, отключаюсь и прикрываю глаза. Блин. Эти мамины непрозрачные намёки заставляют меня чувствовать вину. Она частенько любит вернуть, что вот Лилечка, жена моего брата, ей помогает и по дому, и в саду, и вот суп сварила, когда она заболела, а дочь родная только сына своего скидывает нагулянного.

Стыдно мне, да, но я реально не успеваю. Стараюсь насколько могу деньгами помогать. Микроволновку маме купила новую, до этого уют хороший.

Но мне тоже непросто. Деньги с неба не сыпятся. А теперь вон вообще скоро останусь без работы, видимо.

До конца дня я сижу, не поднимая головы. Едва не опаздываю за Ромкой в садик, снова забрав его последним. И хоть до официального окончания рабочего дня в саду ещё больше

часа, воспитатель кривится, потому что детишек у нас рано разбирают.

– Ромчик, ты сегодня посидишь под мультиками, хорошо? Мне дали работу домой. Мы с тобой сейчас пиццу купим, а завтра после сада уже приготовлю что-то, договорились?

– Хорошо, мам. А мы поиграем в черепашек?

– Нет, сладкий, сегодня не успеем, прости. Завтра поиграем, – прикусываю щёку, потому что в который раз уже откладываем эту игру из-за моей занятости.

– Мам, а папа ещё придёт?

Мне даже хочется рывкнуть на Ромку, хотя я так почти никогда не делаю. Но я сдерживаюсь, малыш не виноват, что его внезапно объявившийся папаша такой жуткий придурок.

– Нет.

– Но я бы хотел...

– Рома, – мы стоим в пробке, поэтому я поворачиваюсь из-за руля к сыну. – Тебе не стоит думать об этом человеке. Он нам никто.

Малыш опускает обиженно глазки и снова надувает щёки. Я же вынуждена снова вернуться к дороге, потому что сейчас не время и не место для этого разговора.

Дома мы быстро разогреваем пиццу, и я отправляю его смотреть мультики. Дома давно пора убираться, что я и планировала сделать вечером, но приходится угнездиться на кухне с бумагами с работы.

Однако, не проходит и двух часов, как в дверь звонят. Ин-

интересно, кого это могло принести в семь вечера?

– Кто? – спрашиваю через дверь.

– Опека. Инспектор Булатова. Откройте дверь.

6

Меня всю обдаёт волной холода. Руки дрожат, когда я отпираю замок. Но даже потребовать каких-то объяснений данного визита или хотя бы предъявления документов я не успеваю.

Дородная женщина тычет мне в лицо ксиву, а затем без приглашения входит в квартиру. Она не одна, с ней ещё женщина, чуть помоложе, с папкой бумаг в руках.

– Жадан София Романовна?

– Да, я, но не поним...

– А что тут понимать? – первая женщина, что представилась инспектором Булатовой, говорит зычно и грубо. – На вас от соседей поступила жалоба. Крики, частый плач ребёнка, шум, ругань, мат.

– От каких соседей? – я в изумлении смотрю на неё, испытывая нечто сродни дезориентации.

– Анонимно. Имеют право, – отрезает она.

– Какие ещё шум и крики? Какой мат? – возмущаюсь я. – Я никогда не кричу на ребёнка!

– Вы даже сейчас голос повысили. И соседи считают иначе. Где ребёнок?

– Мам, кто это? – из комнаты в коридор выходит Ромка и прячется за меня, видно, что он испуган.

– Ты Жадан Роман? – вторая женщина обращается к сыну.

– Я.

– Это твоя мама?

– Моя, – голосок у Ромчика дрожит, но ведь это и неудивительно: вечер, непонятные люди, встревоженная мать.

– Расскажи-ка, малыш, что ты сегодня ел?

Рома смотрит на меня, и я ему коротко киваю, чтобы отвечал.

– В садике ел кашу, суп...

– А дома? – перебивает его инспектор.

– Пиццу с мамой купили.

– А вчера?

– Вчера я ел у тёти Виты. Она сырниками угощала.

– Оставляем ребёнка с посторонними лицами? – женщина щурится, глядя на меня.

– Вита – моя приятельница, мы заехали с сыном к ней в гости после того, как я забрала ребёнка из садика. Это запрещено?

– Последним забрали. Почти в семь вечера.

– Это тоже запрещено? Сад до семи, вообще-то.

Я начинаю нервничать ещё сильнее. Эти допросы мне не нравятся.

– Так, приступим к инспекции условий проживания несовершеннолетнего. Мария Витальевна, включайте камеру.

Вторая женщина достаёт смартфон и включает на нём камеру, я возмущаюсь, но меня никто не слушает, даже угрожают полицией за противодействия службе защиты несовер-

шеннолетних.

– Так, записываем: в холодильнике приготовленных блюд, пригодных для детского питания, соответствующего возрасту, с необходимым количеством килокалорий и важных нутриентов, нет.

– Да всё у нас есть! – возмущаюсь. – Вон молоко, яйца, крупы в шкафу, в морозилке мясо. Масло, сыр – всё есть!

– Мало ли то у вас в морозилке, мамаша, ребёнку готовить нужно. Ему мясо сырое с яйцами грызть?

Я столбенею. Да кто они вообще такие, чтобы указывать мне что делать?

– Полная корзина грязных вещей, – заглядывает инспектор в ванную. – То-то воспитательница нам сегодня сказала, что у ребёнка запасного белья нет.

Боже... Они уже и в саду побывали? Как это белья нет? Я только на прошлой неделе комплект новых трусиков и колготок отдала. Тем более, Ромка давно не писается. Если только прольёт воду на себя во время рисования или суп на обеде. Второй воспитатель ещё писала мне с просьбой взять одни колготы для другого мальчика, потом родители обещали постирать и вернуть.

Я беру дрожащего Ромку на руки и следую по пятам незваных гостей, исследующих нашу квартиру. Они снимают и описывают всё. Всё то, что нормально для обычных семей. Вот лампочка перегоревшая в ванной, вот моя начатая бутылка вина, а тут их не устроило, что на балконе на сушилке

мои трусы висят. Видите ли, ребёнок видит. Неприлично.

Опасные, по их мнению, игрушки, отсутствие дополнительного замка на окне, неопрятный вид детской комнаты. Только чем он им неопрятным показался, я понятия не имею. Тем, что Ромка там год назад обои фломастером рисовал?

– Итак, делаем предварительные выводы, – уходя, резюмирует мне инспектор. – Надлежащих условий для полноценного развития ребёнка не создано. Много нарушений. Мать, проявляющая агрессию. Отец у ребёнка есть?

– Я мать-одиночка, вы же видели документы.

– Рекомендация: изъятие несовершеннолетнего до выяснения подробностей в центр временного размещения.

– Что?! – шум собственно крови в ушах заглушает все звуки. – Вы спятили? Какое изъятие? Из-за пиццы и грязных футболок? Вы вообще полномочны для таких действий?!

– Успокойтесь, мамаша. Надо было ребёнком заниматься, а не возмущаться. Пособий лишиться боитесь?

– Да какие пособия? У меня работа, должность! – я оседаю, понимая, что завтра у меня не будет ни работы, ни должности, вероятно.

– Вот комиссия и разберётся. Вас вызовут.

Они уходят, а я судорожно выдыхаю, быстро защёлкивая все замки. Руки трясутся, зубы стучат. Оседаю на пол, сползая прямо по двери.

Бред какой-то... Сюрреализм просто. Сначала начальник,

потом опека... Да что же за день такой?

Закрываю лицо руками, а потом чувствую на своей голове маленькие тёплые ладошки.

– Мама, эти люди тебя расстроили?

Поднимаю пекущие от с трудом сдерживаемых слёз глаза на Ромчика. Малыш стоит передо мной и смотрит с тревогой. У самого глазки блестят.

Мой сынок, мой мальчик любимый... Волнуется обо мне.

– Да, Ромашка, они меня испугали, – говорю честно. Дети прекрасно понимают, когда им врут. Неважно, с какой целью, сам факт лжи заставляет их потерять доверие к своему взрослому.

– Тогда, может, позвоним папе, чтобы он нас защитил? В садике мальчишки говорят, что папы должны защищать свои семьи. А наш папа сильный, я видел.

В голове будто раздаётся выстрел. Ну я и дура! Как же сразу не поняла, что весь этот кошмар – дело рук Нажинского! Без вариантов!

– Конечно, позвоним, – отвечаю я, сжав зубы, и резко встаю на ноги, отчего испытываю короткое головокружение. – Ещё как позвоним!

Я бросаюсь в кухню за телефоном, но вдруг торможу. У меня ведь даже номера этого козла нет!

Но тут, словно по заказу, смартфон вибрирует. Прилетает сообщение с незнакомого номера в мессенджере.

«Так понятнее? Временные рамки прежние: завтра в два-

дцать ноль-ноль я заеду»

Я сжимаю телефон со всех сил, кажется, будто корпус вот-вот треснет. Ну и подлец же ты, Нажинский!

Но как бы я не злилась, я прекрасно понимаю, что выбора у меня нет. И сегодня он мне это наглядно продемонстрировал.

– Ох, дочка, странно всё это, – качает головой мама и снова кашляет, прикрыв рот кулаком. – Ну какая тебе Москва. Тут и работа, и мы с Витьком и Лилей. Уже ж не одна. А в Москву ты уже раз поехала...

– Так нужно, мам, – говорю, а у самой внутри кипит всё. Рассказывать ей, какой террор мне устроил Нажинский всего за один день, я не хочу. Всё равно получу только укор и осуждение в ответ из разряда «я же говорила». – Отец Романа хочет быть ближе к сыну. А ты сама знаешь, как Ромка бредит идеей иметь отца. Не выйдет ничего – вернёмся.

Мама качает головой и вздыхает. Её молчаливое осуждение действует на меня совсем угнетающе.

– Ромашка, поиграй пока с бабушкой, а я чай нам всем сделаю, – глажу малыша по голове. – Мам, тебе с лимоном?

– Да, и мёда ложечку положи, дочь.

Я киваю и ухожу на кухню. Когда набираю полный чайник и ставлю его кипятиться, замечаю, что руки дрожат.

Чёртов Нажинский. Кто дал ему праву вот так заявиться и сломать мою жизнь?

Мне страшно. Что меня ждёт в Москве? А если ему в какой-то момент покажется, что я уже сыну не нужна, что тогда? Вышвырнет меня, как ненужную вещь?

Но и бодаться с ним у меня нет ни сил, ни ресурсов. Он за

один день устроил мне такое, что уже говорить, если решил основательно взяться.

Поэтому я приняла решение ехать. А там уже буду думать, что делать и как действовать.

От мамы, попрощавшись, мы уезжаем около пяти. Вещи уже наши собраны. Ромка в настроении – ещё бы, я сказала ему, что мы едем к папе. Он даже в сад попросился, куда ходил без особого рвения, чтобы козырнуть перед остальными, что у него теперь тоже есть папа и даже забирает его к себе в Москву.

Мне как раз нужно было собрать вещи и мысли заодно в кучу, и я отвела его на полдня. Потом мы съездили к маме, и вот вернулись домой.

Я заканчиваю приготовления к дороге, проверяю, что может понадобиться ребёнку в пути. По факту я даже не знаю, мы полетим на самолёте, или нам предстоит долгая поездка на автомобиле. Учитывая, что Нажинский был на машине, думаю, поедem на ней. Но, возможно, он просто взял её в аренду.

Ромка не может уgomониться. Он перевозбуждён и очень активен, задаёт мне десятки вопросов.

«Мам, а папа когда приедет?»

«А уже восемь?»

«А скоро восемь?»

«А ещё не восемь?»

«А что мне папе сказать, когда он приедет?»

«А может, мне ему рисунок нарисовать?»

«А как ты думаешь, ему нравятся динозавры?»

Голова уже идёт кругом от этих вопросов. И самое страшное, чего я боюсь, так это острого болезненного разочарования для Ромки. Мне почему-то кажется, что не интересны Нажинскому ни рисунки детские, ни динозавры. Да и сам Ромка вряд ли. Видела я его взгляд на мальчика.

Тогда зачем мы ему? Чего хочет от нас?

В семь сорок пять я уже начинаю думать, что он не придет. Я только обрадуюсь, но вот с Ромой придётся сложно объясняться. Однако в семь пятьдесят в дверь звонят.

– Папа приехал! – пищит сын и устремляется к двери.

Мне хочется притормозить его, уберечь, не дать обжечься о холодность мужчины, но духу не хватает.

– Добрый вечер, – говорит Нажинский, когда я открываю дверь. – Вы собраны?

Он, как и всегда, идеален. Тёмные джинсы, серая водолазка, чёрное строгое пальто. Весь с иголочки. От дизайнерской стрижки до начищенных дорогих туфель. Будто с рекламы бизнес-журнала сошёл. И такой же холодный и бездушный.

– Собраны, – отвечаю максимально ровно. – Машина, поезд или самолёт?

– Машина. Не люблю летать.

Интересная особенность, учитывая его образ жизни. Только я, пока замещала его секретаршу далёкие пять лет назад, всего за десять дней заказывала билеты на самолёт

трижды.

– Привет, папа, – из-за меня выглядывает смущённый Ромка. Вся его активность резко испарилась, но я-то знаю, что она распирает его изнутри. – Ты нас правда забираешь?

– Здравствуй, мальчик. Правда.

Мальчик.

Офигеть. Просто «здравствуй, мальчик».

Я отхожу в сторону, впуская Нажинского. О чём с ним говорить – понятия не имею. Всё, чего мне хочется – это вцепиться ему ногтями в лицо.

– Зачем вам столько вещей? – спрашивает, указывая на два чемодана, сумку и рюкзак. – Я же сказал, что обеспечу всем необходимым. Возьмите только документы.

– А моих динозавров можно? – спрашивает Рома, грустно глядя на собранный рюкзачок и игрушками.

– Других куплю.

– Но это мои любимые. Смотри: вот тирекс, вот карно-тавр, вот кархародонтозавр.

– Смотрю, ты знаешь достаточно сложные названия, – кажется это не попытка взаимодействия, а что-то сродни удивления. Но Ромку ужасно воодушевляет.

– Я много знаю! – восклицает он. – И про места их обитания, и ещё про разные виды. И про палеозой, пермский период, мезозой.

Ромка просто влюблён в динозавров. Иногда мне кажется, что дети трёх-шести лет знают о динозаврах больше, чем

палеонтологи.

– У меня энциклопедия есть – мне Дед Мороз в прошлом году подарил. Я её тоже взял. Хочешь, покажу? – Ромка бросается к своему рюкзачку.

– Не нужно, – обрывает его Нажинский, глядя на часы. – Нам пора выезжать: уже девятнадцать пятьдесят шесть.

– Мы возьмём свои вещи, они нам нужны... Ярослав Юрьевич.

Назвать Нажинского по имени я не решилась.

– Хорошо. Но поехали уже.

Он, к моему удивлению, берёт одну сумку и чемодан. А потом кладёт их обратно, забирает Ромкин рюкзак с динозаврами, забрасывает его на плечо, снова берёт сумку и чемодан.

Надо же, а я уж подумала, самой тащить придётся.

– Надеюсь, детское кресло есть? – спрашиваю уже у машины на улице, стараясь игнорировать любопытные взгляды соседей в окна.

– Есть, я купил.

– Хорошо, что ты всё можешь купить, да? – бормочу себе под нос, пока Нажинский складывает наши вещи в багажник машины.

Надеюсь, он не услышал.

Я усаживаю светящегося восторгом Ромку в дорожную тачку его папаши, пристёгиваю, а потом залезаю и сама рядом. На переднее совсем не хочу.

Через несколько минут машина трогается, а я прикрываю глаза. Мы с Ромкой едем в неизвестность.

8

– Мам, я писать хочу, – шепчет Ромка мне, потирая сонные глазки.

– Нам нужна остановка, – говорю громче, чтобы Нажинский на переднем сидении услышал. – Роме нужно в туалет.

– Мы на скоростной трассе, – отвечает, не отвлекаясь от дороги. – И уже дважды останавливались.

– И что теперь, ему описать?

– Ну памперс бы надела.

– Ему четыре, какой памперс?

– Уже четыре с половиной, мам, – тихо поправляет меня Рома.

– Да, зайчик, – киваю ему и сжимаю руку. А потом снова обращаюсь к Нажинскому, рискнув назвать его просто по имени: – Нам нужна остановка, Ярослав. Он ребёнок, и терпеть не может. Да и вредно терпеть.

В отражении зеркала вижу, как он поджимает губы, но всё же сбавляет скорость и съезжает на обочину в промежутке между ограждениями.

Я выбираюсь из салона и помогаю вылезти Роме. Нажинский тоже выходит, разминается, смотрит на часы на руке в нетерпеливом ожидании, пока мы там сделаем все дела.

– Мам, дашь печенье? – Ромка прячет зябнущие руки в рукава. – Есть теперь хочется.

– Не сорите в машине, – говорит мужчина, а я подкатываю глаза, отвернувшись.

Помогаю Ромке забраться в салон, и пока он мостится в кресле, прикрываю двери оборачиваюсь к Нажинскому.

– Зачем вам вообще ребёнок? – говорю сердито. – К чему всё это? Дети мусорят, шумят, у них есть масса своих потребностей. А вы занятой человек, которому всё это мешает, в тягость. Тогда ради чего? Мы ведь не трогали вас, я ничего не просила и не предъявляла. Та ночь... вышла случайно, и я никаких претензий к вам не имела и не собиралась иметь.

Последние два дня, как Нажинский появился в нашем городе, я задавалась этим вопросом. Что ему надо от нас? Зачем ему Рома? Но, кажется, он и сейчас мне не собирается давать ответ.

– Садись в машину, София, мы и так уже потеряли много времени, – отрезает он после пары секунд молчаливого созерцания меня, и сам садится снова за руль.

Ну а мне ничего не остаётся, как тоже забраться в салон. Я даю Ромке сушку и прошу есть аккуратно. Моцусь поудобнее рядом с детским креслом, наблюдая через лобовое, как впереди бежит лентой дорога среди заснеженных обочин. Редкие жёлтые фонари тускло подсвечивают мягко и бесшумно падающие лапастые хлопья снега.

Меня начинает клонить в сон. Эмоционально тяжёлые два дня и прошлая ночь почти без сна дают о себе знать. Ехать долго, в интернете пишут, что около пятнадцати часов, и

мне, честно говоря, немного тревожно. Дорога длинная, однообразная, и уснуть за рулём может любой, даже такой робот, как Нажинский. И проехали мы только около четырёх.

Но всё же меня утаскивает в дремоту. Сном это назвать сложно, я вроде бы и слышу какие-то звуки, сознание фиксирует движения или вздохи Ромы во сне, но до конца я как бы не присутствую.

Просыпаюсь я от того, что Ромка начинает вертеться в кресле, а потом просыпается тоже.

– Мы ещё не приехали, мам? – спрашивает сонно.

– Нет малыш, ещё в пути.

– Я пить хочу.

– Минуту.

Я достаю из рюкзака бутылку с водой и даю ему. И только тогда обращаю внимание, что за окном уже почти светло, хотя и очень пасмурно. И мы едем через город. Я узнаю Москву. Конечно, за те два года, что я здесь прожила, я не успела побывать во всех уголках города. Это, наверное, и за десять лет не успеть. Но я узнаю её дух. Её особую ауру, которая отличает столицу от других городов.

– Долго ещё ехать? – спрашиваю у Нажинского.

– Меньше часа, – отвечает он.

Через отражение в зеркале вижу, что он по прежнему собран и внимателен, но чуть покрасневшие глаза выдают усталость.

Я даю Ромке сушку, он грызёт её почти весь этот час мол-

ча, глаза в окно.

Уже в семь утра мы подъезжаем к большому жилкомплексу. Доехали раньше, чем я думала. Наверное, Нажинский гнал безбожно. Хорошо, что я уснула и мне не пришлось трястись от страха. Я боюсь скорости.

Мы подъезжаем к шлагбауму, и через несколько секунд он поднимается, пропуская машину внутрь двора.

Утро тёмное, пасмурное, снежное, но это не мешает впечатлиться от благоустройства и красоты вокруг. Стеклянные двери в подъездах, неонов подсвеченные крыши высоко под небом где-то. Сколько тут этаже? Двадцать? Тридцать?

Дом стоит буквой «Г», а во дворе разбиты аллеи с лавочками и беседками, детские и спортивные площадки.

– Ого! – Ромка теряет дар речи, прилипнув к окну машины и глядя на дом. – Прямо в небо, мама!

– Да, малыш, очень высоко.

Но совсем неудивительно, что Нажинский живёт в таком месте. «ГеоГорИнвест» – одна из крупнейших игроков на рынке страны в сфере поиска месторождений полезных ископаемых. Очень прибыльный бизнес.

Когда я стажировалась в его холдинге, то мне говорили, что каких-то пятнадцать лет назад небольшая фирма из Донецка дышала на ладан. Нажинский-старший взял большой кредит и приобрёл некачественную технику. Пошли крупные убытки. Дело уже двигалось к банкротству, и отец Нажинского этого не пережил. Слёг с инфарктом и спустя ме-

сяц умер в больнице.

Никто не мог даже предположить, что его двадцатипятилетний сын станет председателем правления, проведёт очень разумный ребрендинг, выведет фирму в Россию и за пять лет поднимет до холдинга, успешно конкурирующего с крупнейшими игроками в сфере на рынке страны.

Нажинский съезжает в подземную парковку. Останавливается и выходит из машины. Я тоже вываливаюсь. Разминаю затёкшие шею и ноги, потом отстёгиваю и вытаскиваю Ромку, пока Нажинский достаёт из багажника наши чемоданы.

Странно всё это. Я не знаю, о чём с ним говорить, поэтому разговариваю только с ребёнком. А тот в свою очередь безотрывно следит за каждым движением отца.

– Ты тут живёшь? – спрашивает у него.

– Да. Но это парковка, а живу я в квартире.

– А машина тут живёт? – Рома с восторгом осматривает БМВ и осторожно касается его пальцем.

– Да.

– А ей тут не холодно? Тут довольно холодно, – поёживается.

– Нет.

Неужели нельзя сказать ребёнку что-то кроме «да» или «нет»? Спросить, например, как ему было в дороге? Устал ли он или, может, голоден.

Это ведь так просто – проявить хоть какую-то заинтере-

сованность к маленькому мальчику, который с таким благоговением смотрит на тебя и с придыханием называет папой.

Но от Нажинского веет холодом сильнее, чем от бетонных стен этой парковки. Она хоть отапливается, а вот у Нажинского холод внутренний и морозит всех вокруг.

Я беру Ромку крепче за руку, и мы идём к лифту за мужчиной. В кабине, пока поднимаемся, сын неотрывно рассматривает Нажинского.

Мы останавливаемся на двадцать втором этаже. Мне даже представить страшно, как это высоко. Наверное, я не скоро решусь выглянуть в окно.

Лифт открывается, и мы выходим. Даже сначала непонятно, это ещё подъезд или уже квартира. Настолько всё вылизано до блеска. Светло-серый мрамор на полу и на стенах, зеркала, дизайнерские светильники и кожаные диванчики. Необычная игра света на стеклянной мозаике на стене возле лифта. И пространства на ещё одну квартиру точно.

Я сразу чувствую себя не в своей тарелке в своём пуховике за семь тысяч и второгодних сапогах.

Это место не для нас с Ромой. Особенно после этого «не сорите в машине» становится понятно, что стерильный, идеальный порядок у Нажинского не только в вопросах работы, но и в жизни.

В чём я и убеждаюсь, когда он открывает дверь своей огромной двухэтажной квартиры.

Не знаю, из чего сделан этот человек, но Нажинский поставил у порога наши чемоданы, кивнул на одну из дверей, сказав, что там оборудована детская, а себе я могу выбрать любую гостевую. Сам выпил чашку кофе и куда-то ушёл. И пока я затащила чемоданы в эту самую детскую, он уже спустился в другой одежде. Видимо, душ принял, потому что он него исходил едва слышный свежий запах геля для душа. А потом уехал, сообщив, что пробудет в офисе до вечера.

Да мне хоть пусть вообще не возвращается оттуда, но как можно провести за рулём на зимней дороге больше одиннадцати часов, а потом выпить кофе, принять душ и, даже глаз не сомкнув хотя бы на пару часов, уехать на работу?

– Мам, это будет моя комната? – спрашивает Ромка, осматриваясь.

– По-видимому, – я тоже обвожу взглядом комнату, на которую указал Нажинский как на детскую.

Самую обычную комнату даже без намёка на «оборудованную» детскую. Только что кровать с небольшим бортом и есть маленький столик. А так всё в совсем не детских серо-белых тонах.

Интересно, Нажинский сам эту комнату «оборудовал»?

– Мама, а тут можно будет расставить моих динозавров и книги? – неуверенно спрашивает Ромка.

– Конечно, зайчик, мы тут немного с тобой посвоевольничаем и сделаем твою комнату яркой и уютной.

– А папа ругаться не будет? Это ведь его дом...

– А куда ему деваться? – подмигиваю сыну.

Не знаю, как себе Нажинский представляет жизнь с детьми, но явно не такой, какой она бывает в реальности. И с этой реальностью, раз уж он выдернул нас из нашей уютной жизни, ему придётся научиться мириться.

И даже если он вдруг передумает, то мне плевать. И на Нажинского, конечно же, тоже. Но вот только мне совсем не плевать на чувства ребёнка. Мне хочется максимально убедить Ромку от разочарования.

– Мам, а у папы дома есть еда? Я голодный.

– Сейчас узнаем.

Я беру сына за руку, и мы идём на кухню. Это не отдельная комната, скорее стена, в которую вмонтирован кухонный гарнитур. Она прямо под лестницей на второй этаж. Напротив – небольшой стеклянный стол с мягкими серыми стульями.

А дальше пространство переходит в огромную просторную гостиную. Всё красиво, с дизайном, но ощущение такое, будто это просто какая-то квартира для рекламных показов, а на самом деле в ней никто не живёт – настолько стерильной и бездушной она кажется.

Холодильник мы тоже находим не сразу. Он вмонтирован в мебель и не сразу можно отличить его от шкафа. Он, сла-

ва Богу, оказывается не рекламным, и там даже есть еда. В контейнерах есть бутерброды, какой-то салат, в котором я определяю морепродукты, а Ромка кривит носом и активно мотает головой, выражая ярое нежелание это есть.

Мы находим пакет с замороженными сырниками, и я даже почти с первого раза разбираюсь с навороченной электрической плитой. После завтрака накатывает жуткая усталость – результат ночи в машине.

– Мама, ляжешь со мной? – просит Ромка. – Я один ещё не привык.

– Конечно, зайчик.

Пока я мою и убираю посуду, Рома бежит в свою новую комнату и расставляет на столе и книжной полке своих любимых динозавров.

Зашторив окна, я ложусь рядом с ним, и мы оба выключаемся, как лампочки.

– Мам, как думаешь, папа уже пришёл? – будит меня Ромка через два часа.

Мне проснуться труднее, чем ему, но я всё же продираю глаза. Смотрю на часы на руке – почти час дня. Дневной сон Ромы сегодня сдвинулся, к вечеру устанет. Надо будет его пораньше уложить вечером.

– Сейчас выясним, Ромашка.

Мы выходим из его комнаты и спускаемся снова на кухню. Если Нажинский дома, то я понятия не имею, как с ним себя вести и о чём говорить. Но нам придётся поговорить, потому

что не собирался же он просто привезти нас и оставить в квартире, как зверушек в клетке.

Но вместо Нажинского мы обнаруживаем на кухне женщину лет пятидесяти.

Мать Нажинского?

Ромка прячется за меня и сжимает мою руку, когда женщина поворачивается к нам и улыбается.

– Здравствуйте, Соня, – говорит она. – Привет, малыш.

– Добрый день, – киваю я.

– Меня зовут Людмила Васильевна, я домработница Ярослава Юрьевича, он меня предупредил, что теперь будет жить не один.

Ну конечно, домработница. Стоило понимать, что вряд ли Нажинский сам пылесосит, моет и натирает свою квартиру. Такая площадь и такой порядок требуют постоянной работы, ему бы и в офис было некогда ездить.

– Я вам тут обед приготовила. Любите тыквенный суп с фрикадельками? – улыбается Людмила Васильевна.

– Я люблю тыкву, но суп не пробовал, – высовывается из-за меня Ромка.

Людмила Васильевна выглядит милой и приветливой, она не вызывает у меня неприятных ощущений или недоверия.

– Ну вот как раз попробуешь, – она кивает ему, приглашая усаживаться за стол.

Ромка ведёт себя уже смелее. Лично представляется, хотя, думаю, домработница и так в курсе, как его зовут.

Он взбирается на стул, я тоже присаживаюсь рядом. Наблюдаю, как Людмила Васильевна из красивой кастрюли из нержавеющей стали с большими ручками наливает в тарелку яркий оранжевый суп и ставит его перед Ромой.

– Держи, малыш, приятного аппетита.

– Спасибо! – Ромка откусывает хлеб, а потом осторожно пробует немного супа.

Видимо, ему нравится, потому что потом ложка так и мелькает.

– А вы, София, хотите есть? Тоже суп или, может, мясо и салат? Или могу приготовить, что предпочитаете.

– Мам, попробуй суп, – говорит Рома с полным ртом. – Он очень вкусный.

– Пожалуй, попробую.

Я встаю, чтобы налить себе, но Людмила Васильевна говорит, что сейчас всё подаст на стол.

Признаться, мне совершенно неудобно. Я не принцесса, и не привыкла, чтобы меня обслуживали в элементарных бытовых вещах.

– Вы с нами тоже садитесь, – приглашаю я Людмилу Васильевну.

– Нет, спасибо. У меня ещё много работы.

Пока мы едим, она достаёт из-за одной из скрытых под стену дверей корзину и уходит на второй этаж, сообщив, что собирается сменить постельное бельё в комнатах.

А суп действительно оказывается вкусным, о чём я и го-

ворю Людмиле Васильевна. Она же смущается и искренне радуется, что нам понравилось.

– Ну наконец-то у Ярослава Юрьевича дом оживёт хоть, – говорит, глядя на Ромку. – Детский смех он везде жизнь приносит. А то... Ой, ладно, пойду дальше работать, – она машет рукой и уходит загружать бельё в стирку.

– Мам, а ночью я уже и один спать могу, мне тут не страшно. Тем более, Рик уже со мной.

Рик – его любимый динозавр. Большое резиновое чудовище, жутко орущее, если нажать кнопку на его спине.

А вот мне как-то страшно. Не думаю, что Нажинский какой-то извращенец, просто тут всё такое чужое, такое далёкое для нас с Ромой.

Но он мальчик. И если он просит немного пространства, то я должна ему его давать.

До конца дня Нажинский так и не возвращается. Людмила Васильевна уходит в шесть, и мы с Ромой снова остаёмся вдвоём. Я решаю выбрать комнату для себя, как и сказал Нажинский. Хочу быть ближе к сыну, поэтому затаскиваю свой чемодан в соседнюю с Роминой.

Из-за сдвига дневного сна, уже к восьми Ромка вырубается у меня на руках в гостиной, где мы смотрим мультики. Я отношу его в детскую, укрываю одеяльцем и некоторое время сижу рядом. А потом иду к себе.

Днём хоть и отдохнула, но всё равно после ночной поездки усталость и ломота в теле. Я принимаю душ, переодева-

юсь в лёгкую пижаму и забираюсь под одеяло.

Настраиваюсь на серьёзный разговор с Нажинским завтра.

Я быстро засыпаю, но уже совсем скоро меня будит шум. И я едва не вскрикиваю, когда вижу, что напротив кровати в темноте, разбавленной лишь светом луны из окна, стоит Нажинский.

И он как раз снимает рубашку.

– Ты совсем сдурил? – возмущаюсь, стараясь контролировать голос, чтобы не разбудить и не испугать Ромку.

Я сажусь на кровати и натягиваю одеяло на грудь, прижимая его крепко. И как назло надела пижаму шорты-майка, хотя обычно и дома-то предпочитаю спать в футболках. А тут какую с краю в чемодане получилось вытащить, ту и надела. Сегодня не разбирала их, просто поставила у шкафа, отложив это на завтра.

Нажинский как раз стаскивает рубашку, когда резко оборачивается на мой голос. Даже в слабом свете из окна вижу изумление на его лице.

– А ты тут какого чёрта забыла?

– В смысле? Ты сам нас притащил в свою квартиру! – огрызаюсь, начиная понимать свою фатальную ошибку.

– В моей спальне.

– Ты сказал занимать любую, – мой голос становится тише. Вместо испуга я уже начинаю чувствовать смущение. – Я выбрала ту, что ближе к спальне ребёнка. А то что она твоя – не знала.

Я действительно не определила, что эта комната занята. Заглянула в одну, вторую, третью – все практически одинаковые, только цветом покрывала и штор различались.

И если это комната хозяина квартиры, она ведь должна

была как-то отличатся, да? Ну там... носки где-то лежать, рубашка, может, оставленная, зарядное от смартфона в розетке, флакон туалетной воды на столе. Ну хоть чем-то, хоть как-то... Запахом от постельного белья, к примеру!

Которое как раз сменила Людмила Васильевна...

Да уж, Соня, вот ты попала.

В шкафы и ящики-то я не заглянула. Чемоданы так оставила, решила завтра разобрать.

Но и всё же, разве в единственной жилой комнате в огромной квартире не должен быть дух хозяина?

Но эта спальня столь же идеально стерильна, как и остальные.

– Я... прошу прощения, – бормочу, старательно отводя глаза от его полуобнажённого тела. – Не поняла, что это твоя спальня, а в шкафы не успела заглянуть. Я пойду.

Я пытаюсь выползти из-под одеяла. И хоть на мне пижама, но ощущаю я себя под взглядом Нажинского абсолютно голой. А он стоит себе, скрестив руки на груди и смотрит, прищурившись.

– Так и будешь пялиться? – спрашиваю сердито.

– Я уже видел тебя обнажённой, чего стесняться? – поднимает саркастично бровь.

– Пять лет назад! И всего один раз! – задыхаюсь я от смущения и возмущения.

Такое ощущение, что у него совсем нет понятия чужих границ. И физических в том числе.

Возмутившись, я отбрасываю одеяло и вытягиваюсь перед мужчиной в полный рост. И понимаю это уже только когда его тяжёлый взгляд скользит по моему телу медленно вниз.

Сглатываю и замираю, словно меня лишили возможности двигаться. Кожа покрывается мурашками, и мне становится немного жарко.

Это состояние длится всего мгновения, но оно пугает меня тем, что я будто волю теряю. Как попавшая в паутину жертва перед пауком.

– Оставайся сегодня здесь. Уже поздно, – немного откашлявшись, хриловато говорит Нажинский, а потом уходит, прихватив с собой свою рубашку.

Я выдыхаю и бросаюсь к закрывшейся двери, чтобы защёлкнуть замок. И лишь взявшись за него, понимаю, что это, наверное, не будет иметь смысла. Это его спальня, его квартира. Уж, думаю, и ключи, если ему понадобится войти, он найдёт.

Да и вдруг Ромка ночью в чужом доме испугается. Он хоть и принял решение спать один, всё же не перестал быть четырёхлетним маленьким мальчиком. И я ему сказала, что буду спать в соседней комнате, и он, если ему захочется, может ночью прийти ко мне.

Так что, справившись с собой, дверь я не запираю. Возвращаюсь к постели и забираюсь под одеяло. Укутываюсь до самого носа, хотя буквально пару минут назад меня так мощно бросило в жар. Сейчас же наоборот – начало едва ли не

морозить.

Я подтягиваю к животу колени и пытаюсь дышать размеренно, чтобы скорее расслабиться и уснуть. Плавный вдох и медленный длинный выдох. Но сердце всё равно колотится быстро и никак не хочет успокаиваться.

Провертевшись минут двадцать, я даже встаю, набрасываю халат, плотно его запахнув, и иду в комнату Ромки. Поправляю одеяло на нём, целую в лоб, вдыхая родной запах. И только тогда успокаиваюсь. Лишь после контакта с родным человечком, вернувшись в постель, получается уснуть.

Утром меня будит Ромка, забираясь под одеяло и прижимая к моим лодыжкам свои холодные ступни. Опять, наверное, сбросил ночью одеяло и замёрз. Его, как младенца, хоть пеленай на ночь или в конверт заворачивай. А носочки на ночь надевать не хочет, говорит неприятно.

– Иди сюда, сладкий, – прижимаю к груди его голову, когда сам он меня обнимает, утыкаясь носиком в плечо, и так мы дремлем ещё какое-то время.

Когда встаём, Нажинский уже, судя по всему, уехал. И, кажется, мистер идеальность даже неидеально оставил чашку на мойке. Но помытую.

С таким его режимом мне для важного разговора действительно придётся караулить его в спальне. Или сообщения в мессенджере писать.

– Мам, а Людмила Васильна сегодня придёт? – спрашивает Ромка, взбираясь на высокий барный стул у кухонной

стойки в ожидании своего традиционного утреннего бутерброда с маслом и сыром.

– Думаю, да, – ставлю скорее тарелку на столешницу и спешу придержать сына. Уж слишком высоко для его роста он вскарабкался. – Ромашка, осторожнее, стул высокий.

– А на площадку мы гулять пойдём? Тут красивая – я в окно видел.

– Конечно, пойдём. Ты только осторожнее с окнами, когда выглядываешь. Тут очень высоко, так что не пытайся открыть их.

Вообще, я первым делом проверила, стоят ли ограничители в детской комнате. И, признаюсь, их наличие меня удивило.

– А бабушке позвоним? Покажем по видео нашу новую квартиру?

– Сынок, позвоним. Но квартиру сильно показывать не будем. Она ведь не наша, а папина.

– А какая разница?

– Есть разница, зайчик.

Ему, наблюдавшему за другими полными семьями, сложно объяснить такие нюансы, чтобы лишний раз не травмировать. Так что в таких темах мне следует быть очень осторожной и гибкой. Не хочется и расстраивать, но и излишне обнадеживать тоже. Самой бы многое понять и разобраться.

Я, немного испачкавшись, отхожу в ванную под лестницей, пока Ромка лопает бутерброд с чаем, когда слышу, как

щёлкает замок двери. Наверное, Людмила Васильевна пришла.

– Привет, малыш, – слышу женский голос, но принадлежит он кому-то, кто куда моложе Людмилы Васильевны. – Меня зовут Кристина. Твой папа о тебе рассказывал.

Вау. Да неужели. Ещё одна домработница?

Я выхожу из-под лестницы и останавливаюсь, привалившись к косяку и сложив руки на груди. Наблюдаю. Ромка тоже сидит на барном стуле, жуёт бутерброд и смотрит удивлённо, перед этим удостоверившись, что я спокойна.

– Сейчас только вещи твоего папочки развешу, а потом мы с тобой что-нибудь приготовим. Я даже знаю что! Грибную лазанью с сыром и свежий салат. Только это будет сюрприз-сюрприз! Вот твоему папе будет приятно! – щебечет девушка, суетясь у входной двери.

Она вешает на открытую вешалку несколько больших чехлов, видимо, с одеждой Нажинского, ставит на пол полный пакет из супермаркета. Сама стаскивает модную шубку и тоже оставляет его на крючке. Потом подхватывает пакет и спешит в сторону кухонной зоны. И только сейчас замечает меня.

– Ой, – останавливается и сводит брови. – А я вас сначала и не заметила.

– Вы думали, четырёхлетний ребёнок будет находиться дома один? – поднимаю брови.

– Нет, конечно, – улыбается она, но мне от её улыбки так и веет фальшью. – А вы, наверное, няня Романа?

Она даже имя его знает. Интересно.

– Нет, я его мама.

Девушка явно приходит в замешательство. Она несколько раз быстро моргает, а её взгляд кажется каким-то отсутствующим.

– Мама? – переспрашивает, будто я сказала на каком-то незнакомом языке, хотя это слово почти на всех языках понятно.

– Вас удивляет, что у ребёнка есть мать?

Возможно, я немного резко веду себя, но меня крайне раздражает, когда к моему ребёнку лезут общаться вот так вот нахрапом. Особенно учитывая ситуацию. Если это девушка или даже невеста Нажинского, то очень и очень странно, что он нас поселил в своей квартире, а она сюда вот так свободно приходит. И, похоже, сказал он ей лишь о Роме, а обо мне как-то и не упомянул.

На лице этой Кристины тем временем после шока появляется целый спектр эмоций. От недоверия до вспышки злости. Пухлые губы поджимаются, а взгляд леденеет.

– Понятно, – говорит она, поджав губы. – В общем, костюмы Ярослава Юрьевича я из химчистки забрала, – вытягивается она, приобретая важный и строгий вид. – Его запись к стоматологу на вторник подтверждена, документы на детский сад для его сына заполнены и подтверждены администрацией учреждения. Билеты на рейс на тридцать первое декабря я сняла с брони, как он и говорил.

– Всё это лучше расскажите Ярославу Юрьевичу, вы ведь его секретарь, как я понимаю?

– Помощница, – с важным видом поправляет меня Кристина. – Мне пора. До свидания.

Она возвращается к двери, как-то нервно набрасывает свою шубку и, подхватив пакет с продуктами, уходит, стуча каблуками.

– То есть лазанью мы готовить уже не будем? – подаёт голосок Ромка, наблюдавший за сценой. – Грибную эту. И салат.

– Видимо, нет, сынок, – пожимаю плечами я.

– Ну и ладно. Я всё равно не ем грибы. Мне лучше печенье.

– И то верно, малыш.

После завтрака мы с Ромкой идём раскладывать вещи. Погода за окном портится, вместо мягко падающего снега по стёклам начинает стучать ледяной дождь. Воет ветер, швыряя в окна то ли капли дождя, то ледяные крупинки. Поэтому прогулку на детскую площадку мы с Ромкой решаем отложить.

Выбираем мне другую комнату, чуть дальше по коридору, и там уже складываем мою одежду и личные вещи в шкаф. Точнее, складываю я, а Ромка носится от своей комнаты до моей с динозаврами.

Спальня у меня практически не отличается от той, в которой я спала эту ночь. Может, ванная чуть проще. Кровать, письменный стол, туалетный столик с зеркалом, шкаф, телевизор на стене и светодиодный светильник, выполняющий

также роль декора.

Если мы будем всё же и дальше жить тут, то я, конечно, добавлю жизни в свою комнату и красок в Ромкину. Книжные полки, яркую картину, более облегчённые шторы, комнатные цветы. Я люблю яркие контрастные цвета и мягкие объёмные формы в интерьере. И если Нажинский хочет, чтобы мы с Ромкой тут жили, то ему придётся пойти на уступки.

Только бы ещё как-то поймать его и обсудить эти самые уступки. А то я смотрю, он настолько занят, что ему помощница даже вещи из химчистки возит.

Ближе у одиннадцати приходит Людмила Васильевна. Ромка встречает её радостно, будто они уже давно знакомы. Но она и правда милая и кажется искренней. Мне она тоже нравится, и я рада видеть её.

– Ну как вы тут? – улыбается она, выставляя продукты из пакета на стол. – Как первая ночь?

– Хорошо, – показывает Ромка палец вверх.

– Нормально, – говорю вслух, а сама вспоминаю встречу у кровати с полуобнажённым Нажинским.

– Тут какая-то тётя приходила, сказала, будем готовить лазанью с грибами, а потом ушла, – докладывает Рома.

– Назвалась помощницей Ярослава Юрьевича Кристиной, – поясняю я.

– А, Кристина, – качает головой Людмила Васильевна. – Она уже не знает, с какой стороны к Ярославу Юрьевичу подкатить. Со всех сил старается второй год, а он как стена

непробиваемая. Но оно и к лучшему, хитрая и гонорливая эта Кристина. Ему другая нужна: добрая, милая искренняя.

Вот оно что. Теперь понятно, почему она так в лице изменилась. Наличие ребёнка её вдохновило на новый вариант окучивания босса, а вот наличие матери этого ребёнка расстроило. Бедная Кристина. Вот если бы она высказала свои опасения, я бы объяснила ей, что помехой совершенно не являюсь, и она может продолжать реализовывать свой план. Только без участия Ромы.

– А зачем папе другая? – спрашивает Ромка после минуты вдумчивых размышлений. – Есть же мама.

А я в этот момент давлюсь глотком воды под внимательным взглядом Людмилы Васильевны.

Эх малыш, не всё в жизни так просто.

12

– Да, именно так и скажите, – говорю оторопевшей секретарше Нажинского, которая будто зависла и смотрит на меня круглыми глазами.

Ромка крепко держит меня за руку, с удивлением озираюсь вокруг. Кажется, даже он понимает, что здесь всё слишком вылизано и стерильно. Как будто не живые люди тут работают, а роботы, не оставляющие за собой абсолютно никаких следов и даже не дышащие.

Девушка всё же берёт трубку и набирает босса, но смотрит по-прежнему с недоверием, будто я не совсем в себе.

– Ярослав Юрьевич, прошу прощения, но тут какая-то девушка... хм... и она утверждает, что она мать вашего ребёнка. Требуется, чтобы вы её приняли... Да, мальчик тут. Года четыре...

– Почти пять, – тихо шепчет из-за моих ног Ромка.

– Проходите, Ярослав Юрьевич ждёт вас, – она кладёт трубку, натягивает растерянную улыбку и кивает мне на дверь в кабинет Нажинского.

– Солнышко, побудь немного с тётей, ладно? – приседаю перед сыном и смотрю ему в глаза.

– Я хотел увидеть папу, – жалобно смотрит на меня в ответ.

– Увидишь. Обещаю. Но сначала мне с ним нужно погово-

ворить. Взрослый разговор. Помнишь, я тебе говорила, что иногда взрослым нужно такие разговаривать?

Вижу, что Ромка колеблется. Он послушный, но сейчас не особенно хочет соглашаться. И тогда я применяю приём, который использую редко, потому что потом долго считаю себя ужасной матерью.

– Можешь пока поиграть в свою крысу, – протягиваю свой смартфон.

Между желанием увидеть папу и крысой Ромка выбирает крысу, что заставляет меня втайне про себя позлорадствовать.

– Будьте добры, присмотрите за ним, – прошу секретаршу, которая выглядит теперь обескуражено и даже испугано. – Я ненадолго.

– Угу, – кивает она и переводит затравленный взгляд на ребёнка, а у меня возникает ощущение, что это первый ребёнок, которого она видит так близко.

Я стучусь и открываю дверь в кабинет Нажинского. Пять лет назад, когда я имела честь замещать его секретаршу пару недель, здесь всё выглядело иначе. Но общий дух никуда не делся. Дух идеальности, непоколебимости и денег, которые Нажинский умеет зарабатывать как никто другой.

Сам он сидит за столом, положив локти, и смотрит внимательно на меня, когда вхожу. На идеально чистом глянцевом столе ничего кроме ноутбука. Никаких бумаг, заметок, блокнотов. Даже ручки нет.

– Добрый день, – говорю, цепляясь за свою резко тающую решимость.

– Добрый, София. Чем обязан? – он кивает на кресло напротив.

Я сажусь, ставлю сумочку на стол. Обещала себе быть решительной.

– А сам как думаешь? – чёрта с два я буду ему выкать. – Пять дней назад ты привёз нас к себе домой, словно питомцев, бросил и забыл. Вот я и пришла поговорить, обсудить важные вопросы. Возможно, прозвучит необычно и удивительно, но дети – не сувениры.

– Мы могли бы поговорить и дома. Так было бы удобнее и целесообразнее. Тебе повезло, что я сейчас свободен. Мог бы быть занят.

– Знаешь, я как-то не подумала, что нужно записаться. Заранее забить время, например, в кухне перед ужином, чтобы обсудить то, зачем ты нас приволок сюда? Или, может, мне нужно было караулить тебя перед спальней?

– Почему же перед? – он откидывается в кресле и складывает руки на груди, зеркаля меня. – Можно и «в». Как в первую ночь.

Тоже на сарказм решил перейти. А я думала, у него эта функция отключилась вместе с другими человеческими.

– Давай по делу. Зачем мы тебе? Какова цель нашего с Ромой пребывания в твоей квартире? Что дальше?

– Живите. Я вас не ограничиваю. Но я хочу, чтобы мой

сын рос рядом, хочу дать ему жизнь, соответствующую моим возможностям.

– Его и прежняя устраивала.

– Это не тебе решать. У ребёнка двое родителей.

– Правда? Может, поэтому он, живя почти неделю в доме своего отца, так его ни разу и не увидел?

– Я был занят.

Вот как.

– Понимаешь, это ребёнок. Ты пришёл в нашу жизнь, открыв дверь с ноги, заявил ему, что ты его папа и увёз к себе. А потом исчез, оставив четырёхлетнего мальчика, грезившего о папе, в режиме ожидания. Так нельзя. Ему это причиняет боль.

Не знаю, слышит ли он меня, потому что на идеальном лице не проскакивает и тени какой-то эмоции.

– Хорошо, – смотрит сначала в ноутбук, а потом снова на меня. – Можем запланировать поход в кафе на субботу на десять. В двенадцать у меня совещание.

Я качаю головой, потому что в ней всё это ничерта не укладывается. Как можно быть таким непробиваемым?

– Какие-то ещё вопросы? – поднимает брови.

– Да, – отвечаю, собираясь с духом. – Твоя помощница принесла документы на детский сад, но там указана крупная сумма первого взноса. У меня таких денег нет. А чтобы найти работу, мне нужно куда-то его пристроить.

– Зачем тебе работа?

– Странный вопрос. Чтобы жить на что-то? – поднимаю бровь, надеясь, что сарказм будет понятен.

– Я могу обеспечить вас.

– Спасибо, Ярослав, но я не твоя содержанка и предпочитаю рассчитывать на свои силы. Как, к примеру, эти пять дней.

Он сводит брови и что-то смотрит на экране ноутбука.

– Минуту, – кивает, а потом вызывает по связи секретаршу. – Алиса, Кристину ко мне. Сейчас.

Помощница материализуется в кабинете Нажинского уже через две минуты.

– Здравствуйте, Ярослав Юрьевич, – заходит, широко улыбаясь, но улыбка её тухнет при виде меня. – Вызывали?

– Кристина, ты передала Софии пакет документов?

– Да, – кивает она. – На детский сад.

– А на счёт?

Девушка каменеет на месте, бледнея.

– Я... – она несколько раз быстро моргает.

– Ты уволена.

В шок приходит не только сама Кристина, но и я. Так понимаю, что она не передала мне то, что велел Нажинский. Умышленно ли, учитывая замечание Людмилы Васильевны, или просто забыла – не знаю. Но то, с какой скоростью он отрезал от себя человека, меня поражает.

Кристина, всё ещё бледная как стена, кивает и молча выходит.

– Ты вот так просто взял и уволил человека? – не выдерживаю я.

– Она не выполнила то, что должна была. И я больше не смогу на неё рассчитывать.

– Ясно... – я даже не нахожусь, что ответить.

– Карта и документы на счёт будут переданы сегодня. Платёж в сад я подтвердил, страховку в клинике тоже. Если считаешь нужным работать – пожалуйста. Ты хороший специалист – я наводил справки.

– Благодарю. Ещё есть вопрос по обустройству детской и моей комнаты.

– На твоё усмотрение.

Ну вот, собственно, всё и обсудили. Но ощущение было такое, что я пообщалась сейчас с сотрудником какого-то банка, а не с человеком, с которым мы живём в одном доме.

Странно всё это. Очень.

– Я соскучился, – дверь сзади распахивается, и в кабинет вбегает Ромка, а секретарша разводит руками, виновато глядя на шефа. В какой-то момент мне даже кажется, что он сейчас и её уволит за эту оплошность.

Ромка подбегает ко мне и обнимает. А потом осторожно и вместе с тем затаённым восторгом переводит взгляд на Нажинского.

– Привет, папа, – говорит с лёгким придыханием.

– Здравствуй, – отвечает тот, глядя на Ромку. Прямо в глаза. Впервые.

– Ты работаешь? – сынок отходит от меня, медленно обходит стол и останавливается возле Нажинского.

– Да, – ровно отвечает тот.

– А можно посмотреть?

– Ты всё-равно ничего не поймёшь сейчас.

– Ладно...

Рома мягко отступает назад, пятится ко мне. А мне хочется взять что-то потяжелее и стукнуть его папашу по голове. Ну и дубина бесчувственная.

– Ромашка, нам пора, – встаю и беру его за руку. – Всего доброго.

Это уже я говорю его отцу, который в момент забывает о нас, веля своей секретарше пригласить к нему начальника отдела кадров. Наверное, озадачит поиском новой помощницы. Только вот я бы никому не советовала идти к нему работать.

А ещё в приёмной мы натываемся на какого-то смутно знакомого мужчину, который с нами вежливо здоровается. Взгляд у него внимательный и заинтересованный. И куда более приятный, чем у Нажинского.

13

– Ох, и так прождали столько, а теперь заново всё! – возмущаюсь, когда в приложении всплывает уведомление, что машина такси подала сигнал о неисправности и сошла с заказа.

Приходится вызывать другую машину. И снова ждать. Пишет, что десять минут, но кто его знает. Да и погода не очень торчать на улице. А Ромка вон уже совсем сонный. Сейчас вырубится в машине, и дома тогда не уложишь.

– София? – слышу сзади бархатный голос.

Обернувшись, вижу того мужчину, которого мы с сыном встретили в приёмной Нажинского.

– Я Артём – зам Ярослава и начальник службы безопасности «ГеоГорИнвест». И его друг.

– Очень приятно, – улыбаюсь вежливо.

– Позвольте я вас отвезу. Ярослав занят перед важным собранием, а мне всё равно нужно по городу по делам.

– Да неудобно как-то...

– Да бросьте. Что тут такого? Вы же не посторонняя тем более.

Ромка за мной сладко и громко зевает, и я решаю не ждать машину такси. Отменяю заказ в приложении и киваю этому Артёму.

– Буду весьма благодарна. Рома вон уже с ног валится –

спать пора.

Он пикает сигналкой и кивает на стоянку на большой чёрный внедорожник.

– Я как раз сестру с племянницей из Воронежа забирал недавно, да так и не снял детское кресло. Ромке будет удобно.

– Ой, да, отлично. Я что-то и не подумала про кресло, – стучу пальцем себя по лбу, а Артём улыбается.

Я присаживаюсь на переднее сиденье, когда мужчина открывает передо мной двери. Приятно, что сказать. Пристёгиваюсь, оборачиваюсь к Ромке, ещё раз убеждаясь, что он тоже пристёгнут надёжно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.